

Ленинградский ордена Ленина Государственный
университет имени А. А. Жданова

Н. С. ПЕТРОВСКИЙ

ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

Введение
в иероглифику, лексику
и очерк грамматики
среднеегипетского
языка

Под редакцией
академика
В. В. СТРУВЕ

Издательство
Ленинградского университета
1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло более ста тридцати пяти лет со дня великого открытия Ж. Ф. Шампольона и рождения новой науки египтологии, но на русском языке до сих пор, к сожалению, не появилось какого-нибудь сводного пособия по грамматике египетского языка, несмотря на постоянный интерес широких кругов к письменности и языку древних обитателей долины Нила.

Настоящая книга является поэтому в русской литературе первой попыткой создания краткого систематического курса грамматики среднеегипетского языка — классического этапа египетского языка. Каждый знает, что всякое начало необычайно трудно. Будущее покажет, насколько удачно справился наш молодой египтолог, доцент Н. С. Петровский, с ответственной задачей. Сложность ее, несомненно, усугублялась требованием, которое можно сформулировать "non multa, sed multum". Но уже теперь можно смело утверждать, что автор подошел к решению задачи, стоявшей перед ним, самостоятельно. В книге учтены западноевропейские и советские работы, посвященные вопросам древнеегипетского языка, но как в отдельных разделах, так и в грамматике в целом автор изложил результаты собственных наблюдений и исследований.

Почти каждый раздел и даже каждая небольшая тема содержит какое-нибудь новое наблюдение, причем иногда это кажется настолько естественным и настолько не требует доказательств, что теряется ощущение, что это заслуга автора. Например, в разделе об имени существительном — наблюдение о приобретении именами нарицательными значения имен собственных, в разделе о вспомогательных [IV] глаголах — деление глаголов на три группы соответственно их лексическому и грамматическому значению. Весьма тонким (на основании изучения смысловых определителей-детерминативов) является наблюдение относительно значения египетских междометий, которые, по мнению автора, выражали не только симптомы, но и определенное понятие чувства и побуждения, не называя его, а также вывод о большей соотнесенности с понятием личных местоимений I л. ед.ч.

Ряд более крупных вопросов поставлен и разрешен автором не менее убедительно. К ним можно отнести объяснение сущности таких сложных явлений, как усложненных конструкций страдательного причастия и относительной формы. Крайне интересен и оригинален небольшой, но весьма ценный раздел о числительных как счетных существительных.

Второе, что отличает труд автора, — это его научность в свете современных требований, предъявляемых к изучению любого языка: проникновение в суть грамматических явлений с позиций общезыковедческих. Изучение всякого языка имеет две ступени. Первая заключается в сборе, накоплении и инвентаризации грамматических средств. Вторая (основанная, разумеется, на достижениях предыдущей) требует осмысления и объяснения грамматических явлений с привлечением материала общего языкознания. Эта вторая ступень характеризует грамматику, несмотря на ее краткость и сжатость. Египтолог-филолог легко может судить об этом.

Прежде всего следует отметить общий подход автора к изучаемому языку как к единому целому во всем многообразии его явлений. [V] Некоторые вопросы общетеоретического характера впервые в египтологической литературе нашли отражение в книге. Примером может служить раздел, посвященный древнеегипетской лексике.

С нашей точки зрения, особенного внимания заслуживает попытка автора давать четко сформулированные определения различным грамматическим явлениям как в области морфологии, так и синтаксиса. Укажу, например, на предложенную автором классификацию частей речи и их определения. Нельзя не отметить также плодотворный и точный подход к вопросам структуры предложения. При этом следует учитывать, что теоретические вопросы синтаксиса египетского языка (как, впрочем, и других языков) до сих пор являются наименее разработанными. Как указывает автор, предикативность и порядок членов предложения — это основное мерило при исследовании египетского простого предложения. С этой точки зрения простые предложения исследованы достаточно полно. Нельзя не согласиться с автором, что

лексико-семантический подход к проблеме египетского сложного предложения, весьма условен и субъективен. Поэтому исходный принцип изучения сложных предложений, прежде всего с точки зрения их структуры, должен найти дальнейшее развитие. В связи с этим весьма убедительным является предложенное автором деление сложноподчиненных предложений на одночленные и двучленные как исходный пункт исследования.

Особо следует обратить внимание на один из самых существенных и исключительно интересных разделов книги, посвященный глагольным категориям времени и способа действия. В научной литературе нет единого мнения по этому вопросу, но незримо все исследователи [VI] исходят из наличия у египетского глагола категории времени. Отсюда существует тенденция одним и тем же глагольным формам присваивать различные временные значения. Как указывает автор, лишь В. С. Голенищев впервые установил, что так называемые египетские "имперфектные" формы выражают многократное действие, подобно несовершенному виду в русском языке. Однако этот плодотворный взгляд не был в должной мере оценен. В настоящем труде автор исходит из своего основного положения, что среднеегипетский глагол не был еще втянут в категорию времени, и что лишь за немногими глагольными формами, играющими подчиненную роль, были закреплены временные значения. Поэтому автор отказывается от прежней терминологии (Perfect, Imperfect и др.), так как она традиционно обозначает видо-временные отношения, вводит в египтологию термин "способ действия", который исключает понятие времени. Автор устанавливает в основном с помощью категории отрицания (а также и на основании ее отсутствия, как в случае глагольной формы качества и состояния, выражающей предел действия), что бытие среднеегипетского глагола протекает в 5 способах действия: однократного, многократного, заверщенного, предельного и неопределенного. Каждая из этих категорий находит свое морфологическое выражение в определенной глагольной форме. Трудно переоценить, насколько плодотворным уже оказался и может оказаться в будущем такой подход. Уже выяснено то, что до сих пор не поддавалось объяснению, — например, основное грамматическое значение отрицательных частиц и вспомогательных глаголов (переводить действие их одного способа действия в другой), отрицательных глаголов (отрицать действие, не изменяя [VII] способ действия) и т.п. Совершенно исключительным по своему значению является открытие автора, что глагольная форма *śdm.t.f* (одна из немногих форм с временным значением) является родственной семитическому перфекту с инфиксом -ta. Тем самым с другой формы, так называемого "старого перфекта" (Old Perfect), снято это значение, и установлено, что она является вневременной глагольной формой качества и состояния, передающей в широком смысле результат действия, то есть категорию предела действия.

Теория среднеегипетского глагола, выдвинутая автором, в дальнейшем должна быть, без сомнения, учтена при изучении новоегипетского языка, в котором возобладали аналитические черты, особенно в области глагольных форм, и способствовать решению вопросов, связанных с развитием у египетского глагола категории времени.

Таким образом, книга Н. С. Петровского представляет не просто учебное пособие в самостоятельном научном изложении материала (и благодаря своей систематичности и полноте носящее справочный характер, что должно удовлетворять как практическим, так и научным стремлениям желающего изучать египетский язык), но и очень интересный, будящий мысль, научный труд.

Редактор хотел бы предупредить читателя, что некоторая недостаточность иллюстративного и справочного аппарата, выражающаяся в отсутствии индекса, ограниченном количестве примеров, в отсутствии указаний на источник последних и т.п., вызвана лишь требованием в виде первого опыта издать сжатый, краткий курс египетского языка. Автор и редактор сознают дискуссионность ряда проблем и недоработанность некоторых положений, но надеются, [VIII] что именно это и явится стимулом для дальнейших исследований, в чем, собственно говоря, и заключается смысл всякого начала.

Академик В. Струве.
Ноябрь 1957 г.

[IX] ОТ АВТОРА

Едва ли можно назвать какой-либо другой язык, кроме египетского, историю которого исследователь может проследить в течение почти пяти тысяч лет в непрерывной связи с историей общества. Это обстоятельство делает изучение языка древних египтян крайне важным не только для воссоздания истории жизни его носителей, но и в общезыковедческом плане.

Начальный период сложения египетского языка задолго до возникновения классового общества скрыт от нас ввиду отсутствия памятников письменности. С момента их появления на рубеже IV и III тысячелетий до н.э. египетский язык прошел ряд этапов (см. § 1). Степень изученности этих этапов, или "языков", неравномерна. В основе этого лежат объективные и субъективные причины. К первым прежде всего следует отнести неодинаковую трудность системы письма и видов письма. Видимо, поэтому лучше всего изучен коптский язык, — т. е. язык египтян-христиан. Его изученности содействовала, без сомнения, простота грекообразной письменности, а также передача гласных — в семито-хамитических языках основных носителей грамматических изменений. К субъективным причинам можно отнести, например, интерес, который представляет коптская религиозная литература для исследования раннего христианства и критики Библии.

Более ранние ступени египетского языка изучены хуже. Дело не только в трудностях туземных видов письма — иероглифики, иератики, демотики (см. §§ 11, 29), но и в особенности, присущей всем этим видам письма, — отсутствии гласных (несмотря на попытку [X] в демотике отобразить гласные — попытка, которая берет начало еще в Древнем царстве, в так называемом "слоговом письме" (см. § 28)).

Исследователь староегипетского, среднеегипетского, новоегипетского и отчасти демотического языка находится в положении палеонтолога, который восстанавливает внешний облик ископаемого существа по его костяку. Египтологам приходится иметь дело лишь с письменным "скелетом" слов, написанных одними согласными. В последнее время, правда, делаются попытки восстановить огласовку демотического вида письма. Но для более ранних этапов древнеегипетского языка возможна огласовка лишь отдельных слов, что в целом пока не имеет практического значения. Однако благодаря героическим усилиям египтологов, менее чем за полтора столетия был накоплен огромный эпиграфический, палеографический и филологический материал, было сделано много тонких наблюдений и опубликованы исследования по отдельным вопросам морфологии и синтаксиса древнеегипетских языков. Уже в прошлом веке появилась возможность создания сводных курсов демотического, новоегипетского и среднеегипетского языков и была проделана большая работа в области лексикографии. Сравнительно недавно была создана сводная работа по грамматике староегипетского языка.

Изучение древнеегипетского языка обычно начинают в его среднеегипетской ступени. Отчасти это может быть оправдано тем, что у самих египтян среднеегипетский язык считался классическим и в периоды после Среднего царства: в начале Нового царства [XI] и даже в Позднее время, когда во время борьбы с иноземными захватчиками и пробуждения патриотизма появляется тенденция умышленной архаизации языка. Но египтяне не оставили нам филологических трактатов. Возможно, что они просто не дошли до нас, но всего скорее, что в Египте — стране одноязычной (правда, с несколькими диалектами) — не было насущной необходимости вникать в вопросы языкознания, как, например, во многоязычных странах Двуречья и Индии. Поэтому, подход к египетскому языку возможен лишь с современной точки зрения.

Египтология смогла приступить к созданию общих трудов по среднеегипетскому языку в 80–90-х годах прошлого столетия. Сдвиг в области филологии совершает А. Эрман, который в 1894 г. опубликовал "Египетскую грамматику", посвященную среднеегипетскому языку. Его ученик К. Зете написал ряд блестящих работ по филологии, в частности, труд о египетском глаголе. Русский египтолог В. С. Голенищев внес значительный вклад в дело изучения египетского языка. Особенно интересны его взгляды на вопросы египетского

синтаксиса В 1924 г. вышла интересная работа Б. Ганна, посвященная синтаксису древнеегипетского языка. Оставляя в стороне исследования по частным вопросам, среди современных трудов общего порядка следует прежде всего назвать грамматики А. Гардинера (Англия), Г. Лефевра (Франция).

Со времени выхода в 1905 г. перевода акад. Б. А. Тураева "Египетской грамматики" А. Эрмана и литографского издания Египтологического кружка при Ленинградском университете перевода небольшой части последнего издания той же грамматики (перевод Н. Д. Флиттнер) в 1929–1930 гг. у нас не предпринималось попыток [XII] опубликования общих курсов среднеегипетского языка, хотя по ряду частных вопросов грамматики существуют интересные работы акад. В. В. Струве, проф. М. Э. Матье и других советских египтологов. Это обстоятельство указывает на необходимость изложения грамматики среднеегипетского языка, хотя бы в самом кратком и конспективном виде.

В основу данного курса положены перечисленные выше сводные грамматики и по возможности учтена вся литература в данной области, а также лекции, читавшиеся автором на восточном факультете Ленинградского университета в 1952–1957 гг.

Настоящая книга предназначена в первую очередь для студентов и аспирантов кафедр истории Древнего Востока восточных и исторических факультетов университетов. Автор поставил перед собой задачу, во-первых, помочь начинающему изучить иероглифику и основные явления морфологии и синтаксиса среднеегипетского языка, значение которых необходимо для правильного чтения текста, и, во-вторых, натолкнуть его на мысль изучить ту или иную проблему. Поэтому, рассматривая свой курс, в основном как первое руководство при ознакомлении с иероглификой и языком, автор счел необходимым остановиться, хотя бы в порядке справки, на истории дешифровки и изучения грамматики египетского языка, видах египетского письма и других вопросах. Учитывая сравнительно небольшую подготовленность студентов-историков в общеязыковедческих вопросах, в книге затронуты некоторые вопросы теоретической грамматики. По глубокому убеждению автора, основанному на практике преподавания, это повышает интерес начинающего к изучаемому языку и способствует более осознанному подходу к переводу. [XIII] Более подготовленного читателя может удивить несовершенство некоторых определений, даваемых автором (например, отдельных частей речи, типов предложений и т. п.), однако при этом следует помнить, что ряд общетеоретических вопросов, затронутых в книге, до сих пор в египтологии не разрешен или совсем не ставился. Автор не может ни в коей мере претендовать на разрешение этих вопросов или даже на минимальный охват всех вопросов, но считает самый факт постановки некоторых из них допустимым хотя бы в качестве отправной точки для критики. Необходимо отметить, что автор лишь в порядке исключения обращает внимание на происхождение или судьбу грамматического явления. Следует учитывать также, что иногда встречающиеся сопоставления грамматических явлений древнеегипетского и русского языков, — как и указания, как переводить ту или иную грамматическую конструкцию на русский язык, — вызваны главной целью книги и никакими другими причинами.

Не могут претендовать на полноту экскурсы в область истории египетской литературы, а также библиографические указания. Эти экскурсы призваны только в общих чертах проиллюстрировать важность тех или иных письменных памятников для изучения языка данной ступени, а ссылки на книги даны как исходный пункт для дальнейших самостоятельных занятий.

По замыслу автора настоящая книга должна явиться первой частью всего труда. В дальнейшем предполагается издание хрестоматии с лексическими и грамматическими упражнениями в порядке нарастания трудности материала вплоть до некомментируемых иероглифических текстов. Словарь среднеегипетского языка [XIV] (преимущественно для "Хрестоматии") должен составлять третью часть.

Несмотря на все несовершенство этой книги, автору хотелось бы думать, что она в какой-то мере будет способствовать тому интересу, который с давних пор питает наш народ к великим достижениям древнеегипетского народа.

[1] ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Египетский язык и этапы его развития

Египетский язык — это средство, орудие общения древнейших обитателей долины Нила. "Язык также древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми".¹

История египетского народа, творца и носителя египетского языка, начинается очень рано — в конце IV — начале III тысячелетия до н.э. Столь раннему началу египетской истории (по сравнению, например, с историей европейских народов) способствовали благоприятные географические условия, т. е. климат, плодородие почвы, обилие растений, животных, рыбы и т. п. Это, по выражению К. Маркса "естественное богатство средствами жизни"², ускорило развитие египетского общества на ранних ступенях его развития. Уже в конце IV тысячелетия до н.э. развитие производительных сил, увеличение производительности труда, а отсюда возможность получения и присвоения прибавочного продукта и его обмена привели к появлению частной собственности на средства производства и имущественному неравенству, к возможности присвоения чужого труда. Египетское общество делится на враждебные друг другу классы. Появляется первое классовое общество — рабовладельческий [2] строй. В начале III тысячелетия до н.э. в долине Нила возникают рабовладельческие государства, как "продукт и проявление непримиримости классовых противоречий"³. С этого времени история Древнего Египта — это история трехтысячелетнего развития древнейшего рабовладельческого общества и государства и его гибели под ударами захватчиков.

В своем развитии египетский народ создал величайшие культурные ценности, которые вошли в общую сокровищницу мировой культуры.

К достижениям египтян следует отнести, например, создание первой в мировой истории письменности, душой которой явился звуковой, фонетический принцип.

Без сомнения, египетский язык сложился задолго до эпохи рабства, т.е. задолго до III тысячелетия до н.э. Но язык этого древнейшего периода не представляется возможным изучить ввиду отсутствия письменных памятников. В отношении к литературе можно всецело присоединиться к мнению акад. Б. А. Тураева, назвавшего этот период временем создания "запаса народной словесности".

Лишь с организацией государства и появлением письменности появляется возможность изучения египетского языка. В своем многотысячелетнем развитии он прошел ряд этапов: староегипетский, среднеегипетский, новоегипетский, демотический, коптский.

[3] § 2. Староегипетский язык

Это язык египетского общества времени I-VIII династий (XXX–XXIII вв. до н.э.), т.е. в основном язык Древнего Царства. К нему относят также и язык "Текстов Пирамид" — древнейшего в мире памятника религиозной литературы (V–VI династии)⁴, несмотря на его значительные особенности, вызванные, видимо, глубочайшей древностью составления.

Основным материалом для начинающего изучение староегипетского языка являются надписи вельмож Древнего царства,⁵ особенно V и VI династии (Жизнеописания Уни,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 29.

² К. Маркс. Капитал, т. I. М. 1951. С. 516.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, с. 358.

⁴ К. Sethe. Die altägyptischen Pyramidentexte. Bd. 1-4. Leipzig, 1908-1922; K. Sethe. Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten. Bd. 1-4. Glückstadt, 1935-1939.

⁵ Лучшее издание: К. Sethe. Urkunden des Alten Reichs. 2 Aufl. Leipzig, 1932-1933.

Хуфхора и др.). Однако этим не исчерпывается богатство памятников на староегипетском языке.⁶ В 1955 г. Э. Эдель издал превосходную грамматику этого языка.⁷

§ 3. Среднеегипетский язык

Под этим термином подразумевают живой и литературный язык Среднего царства, в широком смысле слова (IX–XII династии)⁸, времени XXII–XVIII вв. до н.э. и литературный язык начала Нового царства [4] (т.е. до конца XV в. до н.э.).

Обилие письменных памятников, более последовательное написание слов явились причиной лучшей изученности грамматики и синтаксиса среднеегипетского языка. От Среднего царства дошел ряд великолепных литературных произведений.⁹ Среди них следует назвать прежде всего "Сказку о потерпевшем кораблекрушение", изданную В. С. Голенищевым (папирус Государственного Эрмитажа №1115)¹⁰, "Рассказ египтянина Синухета"¹¹, "Красноречивый поселянин"¹², сказки папируса Весткар¹³, а также любопытные политические памфлеты, рассказывающие о народном восстании в конце Среднего царства: "Пророчество Неферти" (папирус Государственного Эрмитажа №1116В recto)¹⁴, "Речение Ипувера"¹⁵. В изучении [5] последних памятников большая заслуга принадлежит академику В. В. Струве.¹⁶ Надписи вельмож Среднего царства также дают обильный языковой материал. Почти все крупные музеи мира опубликовали свои собрания стел с этими надписями. Множество надписей издано также в отчетах различных археологических экспедиций.¹⁷ Крайне важны дошедшие до нас среднеегипетские сочинения по медицине¹⁸, математике. Один из двух важнейших математических папирусов хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве и издан акад. В. В. Струве.¹⁹ Другой находится в Британском музее.²⁰

Необычайную ценность представляют царские победные и гробничные надписи вельмож на среднеегипетском [6] языке от начала Нового царства.²¹ В них нельзя все безоговорочно относить к среднеегипетскому языку, так как уже в это время разговорным являлся новоегипетский язык и его влияние распространялось также и на литературный

⁶ О литературе Древнего царства см. акад. Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. 1. М., 1920. С. 34 сл.

⁷ E. Edel. *Altägyptische Grammatik*. Roma, 1955.

⁸ Обычно в узком смысле слова под Средним царством подразумевают историю XII династии.

⁹ О литературе Среднего царства см. акад. Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. 1. М., 1920. С. 65 сл. Переводы многих произведений см. Хрестоматия по истории древнего мира, т. 1. Древний Восток. Под ред. акад. В. В. Струве. М., 1950, а также Сказки и повести древнего Египта. Пер. И. С. Кацнельсона, Ф. Л. Мендельсона. М., 1956 (переводы не текстуальные).

¹⁰ W. Golénischeff. *Les papyrus hiératiques Nos. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Imperial a St.-Petersbourg*. 1913; W. Golénischeff. *Le Conte du Naufragé*. // *Bibliothèque d'Etude de L'IFAO*. Le Caire, 1912.

¹¹ Лучшее издание текста: M. Blackman. *Middle Egyptian Stories*. P. 1. Bruxelles, 1932.

¹² F. Vogelsang, A. H. Gardiner. *Die Klagen des Bauern*. Leipzig, 1908.

¹³ A. Erman. *Die Märchen des Papyrus Westkar*. Berlin, 1890.

¹⁴ W. Golénischeff. *Les papyrus hiératiques Nos. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Imperial a St.-Petersbourg*. 1913.

¹⁵ A. H. Gardiner. *The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden (Pap. Leiden 344 recto)*. Leipzig, 1909.

¹⁶ Акад. В. В. Струве. Речение Ипувера. Лейденский папирус №344. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (ок. 1750 г. до н.э.). Л., 1935; В. В. Струве. Папирус 1116В и пророческая литература древнего Египта. ЗКВ. Т. 1. С. 209 сл.

¹⁷ Ознакомление с надписями можно начать с комментированного издания текстов Среднего царства. K. Sethe. *Aegyptische Lesestücke*. Leipzig, 1924; K. Sethe. *Erläuterung zu den aegyptischen Lesestücke*. Leipzig, 1927.

¹⁸ G. Ebers. *Papyrus Ebers*. Leipzig, 1875; H. J. Breasted. *The Edwin Smith Surgical Papyrus*. Vol. I-II. Chicago, 1930.

¹⁹ W. W. Struve. *Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau*. Berlin, 1930.

²⁰ A. V. Chace. *The Rind Mathematical Papyrus*. Vol. I-II. Ohio, 1927.

²¹ О них см. акад. Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. 1. М., 1920. С. 103 сл. Лучший свод надписей см. K. Sethe. *Urkunden der 18 Dynastie*. Bd. I-IV. 2 Aufl. Leipzig, 1927-1930; W. Helck. *Urkunden der 18 Dynastie*. Heft 17. Berlin, 1955, Heft 19. Berlin, 1957.

язык. Поэтому прямая речь в этих надписях иногда носит новоегипетский характер. К наиболее известным памятникам этого времени относятся так называемые "Анналы Тутмоса III", составленные писцом Чанени. В целом надписи вельмож и фараонов этого времени весьма занимательны и обладают высокими художественными достоинствами, несмотря на некоторую искусственность языка. Если ко всему этому добавить многочисленные религиозные тексты саркофагов, юридические документы и поэтические произведения Среднего царства, то становятся еще более ясными возможности изучения среднеегипетского языка. Лучшие грамматики среднеегипетского языка принадлежат А. Эрману²², А. Гардинеру²³, Г. Лефевру²⁴ и А. де Буку²⁵. Начиная изучать среднеегипетский язык весьма полезно также пользоваться комментированным изданием текстов Среднего царства К. Зете, которое было упомянуто выше.

[7] § 4. Новоегипетский язык

Новоегипетский язык являлся разговорным языком и языком деловых документов Нового царства и частично Позднего времени (XVIII–XXIV династии), т.е. примерно с конца XVII в. до н.э. вплоть до VII в. до н.э., а с конца XV в. до н.э. также литературным языком.

В настоящее время существует точка зрения, что новоегипетский язык не является продолжением среднеегипетского. Действительно, новоегипетский язык значительно отличается от среднеегипетского (примерно так же, как отличаются французский, итальянский и другие романские языки от латинского). Новоегипетский язык имеет больше черт языка аналитического типа.²⁶ Так, например, наряду со старой спрягаемой глагольной формой *šdm.f*, широкое распространение получает форма *iw.f hr šdm* (ср. фр. *il est à lire*). Для новоегипетского языка характерно широкое употребление определенного и неопределенного артикля и т.п. Любопытно, что некоторые языковые явления, характерные для новоегипетского языка и не имеющие места в среднеегипетском языке, встречаются, видимо уже в староегипетском языке. На основании этого разницу между среднеегипетским языком и новоегипетским [8] языком некоторые ученые пытаются объяснить не изменением типа языка²⁷, а преобладанием того или иного диалекта²⁸. Возможно, что староегипетский язык — это один из диалектов Нижнего Египта, получивший преобладание в период Древнего и Нового царства, а среднеегипетский язык — это один из диалектов Верхнего Египта, получивший широкое хождение во время политического преобладания Верхнего Египта при гераклеополитанских и фиванских фараонах Среднего царства²⁹. Однако эта гипотеза пока не отвечает на вопрос, почему первые новоегипетские тексты от начала Нового царства относятся к Фивам, а не к Нижнему Египту. Таким образом, несмотря на всю важность, вопрос о происхождении новоегипетского языка до сих пор остается открытым.

Первые тексты на новоегипетском языке относятся ко времени борьбы с гиксосами. Это известные памятники времени фараона Камоса: так называемая "табличка Карнарвона"³⁰

²² A. Erman. Ägyptische Grammatik. 4 Aufl. Berlin, 1928.

²³ A. H. Gardiner. Egyptian Grammar. 2nd ed. London, 1952.

²⁴ G. Lefebvre. Grammaire de l'égyptien classique. Le Caire, 1940.

²⁵ A. de Buck. Grammaire élémentaire du Moyen égyptien. Leiden, 1952.

²⁶ По способу выражения отношений между словами в предложении лингвисты делят языки на синтетические и аналитические. В синтетических языках (например, в русском языке) связь между словами в предложении выражается формами слов. В аналитических языках — самостоятельными словами: связкой, предлогами, строгим порядком слов и другими средствами.

²⁷ В истории языков отмечены факты изменения типа языка. Например, некогда "синтетический" английский язык, в настоящее время является "аналитическим".

²⁸ W. T. Edgerton. Early egyptian dialect interrelationships. // BASOR, 22, 1951. P. 9-12.

²⁹ На наличие диалектов в египетском языке указывает, во-первых, сообщение древнеегипетских источников, что египтянин Верхнего Египта не понимал речи египтянина из Нижнего Египта и, во-вторых, наличие пяти диалектов в коптском языке.

³⁰ A. H. Gardiner. The Carnarvon tablet. // JEA, 3, 1916.; P. Lacau. Une stèle du roi "Kamosis". // ASAE, 39, 1939.

и недавно опубликованная [9] египетским ученым Хаммадом большая надпись Камоса³¹. Но в дальнейшем, как это было уже отмечено в предыдущем параграфе, официальные надписи длительное время составляются на искусственном среднеегипетском языке. Окончательный перелом происходит в амарнскую эпоху, хотя памятники этого периода еще представляют смесь новоегипетского и среднеегипетского языков³².

Расцвет новоегипетской литературы начинается с XIX династии³³, с победой новоегипетского языка как литературного. На нем написаны интереснейшие сказки и повести XIX–XX династий: "Два брата", "Сказка о зачарованном царевиче", "Правда и Кривда", "Взятие Яффы"³⁴, лирические стихотворения³⁵, победная поэма, т.е. "Эпос Пентаура" — о военной доблести Рамсеса II в битве под Кадешем³⁶. От Нового царства дошло много поучений. Художественную [10] литературу этого времени венчает "Путешествие Унуамона". Папирус с этим произведением хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Честь первого исследования и перевода этого интереснейшего со всех точек зрения памятника литературы принадлежит В. С. Голенищеву.³⁷

Победные царские надписи, например, "Битва под Кадешем", строительные надписи фараонов, законодательные надписи, надписи вельмож, письма-дневники фиванского кладбища о забастовках ремесленников, судебные протоколы о делах грабителей царских гробниц, религиозные тексты и т.п. и т.п. — вот далеко не полный перечень имеющегося в распоряжении египтолога материала на новоегипетском языке.

Особо следует отметить своеобразную "энциклопедию" писца Аменемопе. Самый большой список ее хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и носит название "Московский словарик" или "Словарик Голенищева"³⁸. Это новоегипетский сборник важнейших слов для писца. Он разделяется на несколько разделов: природа, человек, места его обитания и деятельности, пища, животные. Значение этого словника очень велико для изучения новоегипетской лексики и лексикографии.

[11] От Нового царства дошли первые школьные грамматические упражнения.³⁹ Любопытно, что на одном из них при спряжении глагола-связки *iw* после 1-го лица следует 3-е, а затем 2-е лицо.

Лучший свод грамматики новоегипетского языка принадлежит А. Эрману. Второе издание его "Новоегипетской грамматики" вышло в 1933 г.⁴⁰ После Эрмана большого успеха в деле более детального изучения новоегипетского языка достигла английская школа египтологов, возглавляемая А. Гардинером. Но общего курса она еще не выпустила.

§ 5. Демотический язык

Под демотическим языком подразумевают язык документов и литературных произведений, написанных демотическим видом письма (см. § 29, 3) в период от конца VIII в. до н.э. вплоть до позднееримского времени (V в. н.э.), т.е. он исчезает вместе

³¹ Hammad. Decouverte d'une stèle du roi Kamose. // *Chronique d'Égypte*, 60, 1955.

³² О языке времени Амарны см. F. Behnk. *Grammatik der Texte aus el Amarna*. Paris, 1930; M. Sandman. *Texts from from the time of Akhenaten*. Bruxelles, 1938.

³³ Акад. Б. А. Тураев. *Египетская литература*. Т. 1. М., 1920. С. 155 сл.

³⁴ Лучший свод текстов: А. Н. Gardiner. *Late Egyptian Stories*. Bruxelles, 1932.

³⁵ W. M. Müller. *Die Liebespoesie der alten Ägypter*. Leipzig, 1899; А. Н. Gardiner. *The Chester Beatty Papyri №1*. London, 1931; British Museum. *Papyrus №10060, Harris 500, obverse: Love songs, The song of the harper*. London, 1923.

³⁶ Ch. Kuents. *La bataille de Qadesh*. Le Caire, 1928-1934; S. Hassan. *Le poème dit de Pentaour et le rapport officiel sur la bataille de Qadesh*. Le Caire, 1929.

³⁷ В. С. Голенищев. Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию. // *Сборник в честь барона В. Р. Розена*. СПб, 1897. С. 45-52.

³⁸ Ю. Я. Перепелкин. К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке. // *Труды Института Книги, документа и письма*. Т. 2. Л., 1932. С. 3 сл.; А. Н. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*. Vol. I-III. Oxford, 1947.

³⁹ А. Н. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastica*. Vol. I. Oxford, 1947. P. 24.

⁴⁰ A. Erman. *Neuaegyptische Grammatik*. 2 Aufl. Leipzig, 1933.

с язычеством. Демотический язык является непосредственным продолжением новоегипетского языка и промежуточной ступенью между ним и коптским языком. В демотике (как в письме так и языке) различают три основных периода: 1). ранний (Саисско-персидский); 2). средний (Птолемеевский); 3). поздний (Римско-византийский). В целом демотический язык — это разговорный египетский язык, который после XXVI династии и времени персидского завоевания заменяет новоегипетский язык в деловых документах и литературных произведениях.⁴¹

[12] От демотической эпохи дошло большое количество папирусов, начиная от деловых документов и кончая историческими романами. Интереснейшие деловые документы имеются и в собраниях Советского Союза. В настоящее время ими занимается акад. В. В. Струве.⁴²

Из литературных произведений особой известностью пользуются исторические романы: цикл "Сетне-Хаэмуасе" и цикл Петубаста.

Лучшими пособиями по демотике в настоящее время являются работы В. Шпигельберга⁴³, Ф. Лексы⁴⁴ и В. Эриксена⁴⁵. В них также дается вся необходимая библиография.

§ 6. Коптский язык

Коптский язык является египетским языком на самой поздней ступени развития (с III в. н.э. до VII–XII вв. н.э. и вплоть до XVI–XVII вв. н.э.). На нем говорили копты — христианские потомки древних египтян. Копты усвоили греческий алфавит, отмечавший гласные, но дополнили его несколькими знаками из демотического письма для передачи звуков, которых не было в греческом языке.

[13] Словарный состав коптского языка весьма отличен от демотического и характерен обилием греческих слов, так как, по мнению некоторых ученых, христианство не нуждалось для своей примитивной литературы в богатстве языческого словарного состава. Особенно богата коптская литература в области церковной.⁴⁶ Она является крайне важным источником для истории раннего христианства и критики Библии. От коптов дошли рукописи по медицине, алхимии, версии романа об Александре и о Камбизе. Характеризуя в целом коптскую литературу по отношению к древнеегипетской традиции, акад. Б. А. Тураев отметил, что в ней ясно обозначена "национальная струя, возводящая нас к классическому Египту". Крайне важными являются деловые документы коптской эпохи. Их изучение проливает свет на такой важный вопрос, как переход от рабовладельческой к феодальной формации.

В коптском языке было пять диалектов: ахмимский (верхнеегипетский), субахмимский, саидский (фиванский), бохейрский (александрийский), фаюмский.

После завоевания арабами Египта в 640 г. н.э. коптский язык переживает расцвет до конца IX в., а затем постепенно вытесняется арабским и угасает к XVI–XVII вв. как разговорный язык, оставаясь языком церковных книг коптов-христиан.

⁴¹ О демотической литературе см. акад. Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. 1. М., 1920. С. 229 сл.

⁴² В. В. Струве. Три демотических папируса ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1954; В. В. Струве. Значение некоторых из демотических папирусов ГМИИ им. А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта. М., 1955.

⁴³ W. Spiegelberg. Demotische Grammatik. Heidelberg, 1925.

⁴⁴ Fr. Lexa. Grammaire demotique. T. I-VII. Praha, 1947-1950.

⁴⁵ W. Erichsen. Auswahl frühdemotischer Texte zum Gebrauch im akademischen Unterricht sowie zum Selbststudium zusammengestellt. H. 1-3. Kopenhagen, 1950; W. Erichsen. Demotische Lesestücke. Literarische Texte mit Glossar und Schrifttafel. H. 1-3. Leipzig, 1937; W. Erichsen. Demotische Lesestücke. Urkunden der Ptolemäerzeit. H. 1-2. Leipzig, 1939-1940; W. Erichsen. Demotische Glossar. Kopenhagen, 1954.

⁴⁶ О коптской литературе см. акад. Б. А. Тураев. Египетская литература. Т. 1. М., 1920. С. 271 сл.; Б. А. Тураев. Древний Египет. Гл. V. Пг., 1922.

Несмотря на то, что коптский язык является позднейшим этапом развития египетского языка и значительно отличается от предыдущих этапов, его изучение крайне важно для египтолога с той [14] точки зрения, что он отмечает в письме гласные в отличие от ранее возникших видов письма.

Изучение коптского языка можно начать в недавно изданной коптской грамматики В. Тилля⁴⁷. Крайне ценным для египтолога является словарь коптского языка В. Шпигельберга, так как он дает интересные сопоставления коптских слов с их древними иероглифическими написаниями. В указанных книгах имеется вся необходимая библиография.

§ 7. Египетский язык в системе других языков

Согласно генеалогической классификации языков (т.е. классификации по родству) египетский язык относят к семито-хамитическим языкам.⁴⁸ Их делят на 4 группы:

1. Собственно семитические языки (ассиро-вавилонский, или аккадский язык, ханаанейский, древнееврейский, финикийский, арамейский, аморейский, арабский, южноарабский; эфиопские: геэз, амхарский, тигре и др.).
2. Кушитские языки северо-восточной Африки (бэджа, сомали, галла, сахо, афар, агава, сидама) и мертвый язык государства Мероэ.
3. Ливийско-берберские языки (гильхийский, кабийский, туарегский, ливийский, нумидийский и др.).
4. Египетский язык (староегипетский-среднеегипетский; новоегипетский-демотический-коптский).

[15] К семито-хамитским языкам в качестве особой группы относятся также языки группы хауса.⁴⁹

Египетский язык включен в семито-хамитскую семью языков по общности языкового материала, так как он разделяет некоторые особенности не только собственно семитических языков, но и других групп. С первыми его роднит, например, трехсогласность корня, образование относительных прилагательных ("нисб") от существительных и предлогов с помощью окончания *j*, существование особой глагольной формы (ег. форма *šdm.t.f* и семитический перфект, см. §§ 100, 145). С некоторыми семито-хамитическими языками его объединяет звуковой состав (например, гортанные взрывные звуки), частичная и полная редупликация корня, а также приставочные согласные при образовании некоторых глагольных форм, окончание существительных и прилагательных женского рода *t* и вообще наличие двух родов — мужского и женского, сходство в словарном составе и многое другое.⁵⁰

§ 8. Дешифровка египетской письменности

Дешифровка иероглифической системы письма египтян — это история почти двухтысячелетних исканий, многих заблуждений и, наконец, торжества науки.

С победой в первые века нашей эры христианства и нового грекообразного алфавитного письма коптов постепенно в самом [16] Египте утрачивается знание системы исконно египетских видов письма. Сведения об истории языческого Египта стало возможным черпать лишь из сочинений античных историков, географов и писателей, уже в глубокой древности привлеченных своеобразной культурой Египта, а также от раннехристианских писателей. Среди этих сведений встречаются и весьма важные

⁴⁷ W. C. Till. *Koptische Grammatik (Saïdischer Dialekt) mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnissen*. Leipzig, 1955.

⁴⁸ Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике. // Советская этнография, 3, 1940. С. 170.

⁴⁹ Д. А. Ольдерогге. Язык хауса. Л., 1954. С. 12.

⁵⁰ G. Lefebvre. *Grammaire de l'égyptien classique*. Le Caire, 1940. P. 2-4. (Подробная библиография — с. 7).

сообщения о египетской письменности и ее видах.⁵¹ Необычайный рисуночный вид иероглифов и большое количество разных знаков заставили многих предположить, что египетское иероглифическое письмо является символическим, т.е. что рисунки передавали понятия, а не звуки речи. Правда, у некоторых античных писателей можно найти и другие весьма ценные наблюдения. Так, Плутарх, считая в целом египетское иероглифическое письмо символическим, сообщает, что египтяне имели алфавит их 25 знаков. Геродот, путешествовавший по Египту в середине V в. до н.э., во II книге своей "Истории" отмечает, что у египтян было два вида письма — "священное" и "народное". Климент Александрийский (II в. н.э.) насчитывал у древних египтян три вида письма: 1. иероглифику, т.е. священное письмо, высеченное на камне; 2. иератическое — священное письмо жреческих свитков; 3. эпистографику — письмо для повседневного употребления.

Все усилия расшифровать египетское письмо сводились в основном к толкованию иероглифического письма. Определенную роль [17] в этом отношении сыграл трактат египетского жреца Горуполлона (IV в. до н.э.) "Иероглифика". Горуполлон, видимо, еще знал египетское письмо и правильно передает значение иероглифов, но его толкование иероглифов как символических знаков надолго определило путь дешифровки.⁵²

В Средние века ни в Европе, ни в арабском Египте не занимались вопросами египетского письма. Интерес к античной культуре в период Возрождения снова заставил обратиться к иероглифам. Появляются сочинения о египетском письме, но их авторы слепо следуют Горуполлону.

В XVII в. были популярны труды А. Кирхера (1602–1680). А. Кирхер является "отцом коптологии". Он первый понял важность коптского языка и стал его изучать. Но попытки А. Кирхера дешифровать египетские иероглифы не увенчались успехом. Неудачные попытки А. Кирхера найти выход в символическом толковании привели к тому, что некоторые исследователи начинают высказывать мнение о наличии среди иероглифов звуковых знаков. В этом отношении интересна работа В. Уобертонна, который в 1738 г. выпустил работу о египетских иероглифах.

В 60-х годах XVIII в. датчанин Карстен Нибур во время пребывания в Египте сделал наблюдение, что число иероглифов сравнительно невелико и что поэтому иероглифы не могут носить лишь смысловой характер. В XVIII в. были сделаны и другие ценные предположения, в дальнейшем способствовавшие дешифровке иероглифов.

[18] Французский ориенталист Ж. де Гинь и датчанин Созга предположили, что овалами египтяне выделяли собственные имена. Ж. де Гинь также высказал мнение, что среди иероглифов должны иметь место особые знаки — детерминативы (определители), которые поясняют значение слова, и что египтяне, как арабы, евреи и другие семитические народы, могли в своей письменности не выписывать гласные.

Собственно дешифровка иероглифов начинается с момента нахождения в Египте в 1799 г. Розеттского камня.⁵³ Французский востоковед Сильвестр де Саси и шведский ученый Окерблад немедленно занялись средней частью Розеттского камня — "туземной" или "демотической". Окерблад в 1802 г. составил алфавит демотических знаков.

В 1814 г. Розеттским камнем занялся известный английский ученый Т. Юнг (1773–1829). По сходству некоторых демотических и иероглифических знаков Т. Юнг признал демотическое письмо скорописным вариантом иероглифического письма. По его подсчетам в демотической части Розеттской надписи было более сотни различных знаков. Поскольку ни один алфавит не имеет столько букв, то напрашивается вывод, что демотическое письмо

⁵¹ P. Marestaing. *Les ecritures egyptiennes et l'antiquite classique*. Paris, 1913; И. Г. Лившиц. Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950. С. 93 сл.

⁵² Последнее научное издание: F. Sbordone. *Hori Apollinis. Hieroglyphica*. Napoli, 1940.

⁵³ О дешифровке иероглифов и о Ж. Ф. Шампольоне см. Н. Hartleben. *Champolion, sein Leben und sein Werk*. Bd. I-II. Berlin, 1906; акад. В. В. Струве. Творческий путь Ж. Шампольона. // ВДИ, 1, 1948. С. 139 сл.; И. Г. Лившиц. Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950; Н. Д. Флиттнер. Как научились читать египетские иероглифы. Пг., 1923.

состоит из знаков, передающих понятия, а следовательно, и иероглифы передают лишь понятия, а не звуки речи. Сопоставив греческую и демотическую части с иероглификой, Т. Юнг установил смысловое значение более [19] 70 групп и отдельных иероглифов. В виде исключения из общего правила, по Юнгу, чужеземные имена, в частности греческие, могли писаться иероглифами, передающими не понятия, а звуки. Юнг правильно определил звуковое значение пяти иероглифов. Однако Т. Юнг не раскрыл систему иероглифического письма, признавая за иероглифами в основном смысловое значение.

Систему египетского письма и метод чтения иероглифов установил гениальный французский ученый, основоположник египтологии как науки Жан Франсуа Шампольон (1790–1832). Он пришел к своему открытию в результате длительных и упорных исканий. В 1908 г. Шампольон начал заниматься демотической частью Розеттского камня и установил самостоятельно большую часть демотического алфавита. В 1810 г. он делает предположение, что среди иероглифов могут быть и фонетические знаки и высказал (до Юнга) мнение, что ими могли писать чужеземные имена.

Через четыре года Шампольон пришел к важному выводу о существовании, кроме иероглифики и демотики, иератического вида письма, о котором писал Климент Александрийский. По мнению Шампольона, иератика являлась средним звеном между демотикой и иероглифами. Но Шампольон неверно полагал в это время, что древнейшим письмом было демотическое. Примерно в это время он впервые пытается найти в иероглифической части Розеттской надписи звуковые знаки — буквы. Но в 1818 г. Шампольон отказывается от этого, так как к выводу о наличии звуковых иероглифов он пришел почти интуитивно. В это время Шампольон решительно высказывает гипотезу, что все иероглифы суть идеографические, смысловые знаки.

[20] Изучение новых иератических папирусов позволило Шампольону в 1820 г. правильно определить последовательность видов письма: иероглифика — иератика — демотика. Но это противоречило его последней гипотезе о смысловом характере иероглифов, так как было твердо установлено, что в демотике имелись звуковые знаки-буквы. И Шампольон уже на твердой научной основе приходит к выводу о наличии среди иероглифов звуковых знаков. Чтобы подтвердить это, он начинает разбирать царские имена Розеттского камня с имени "Птолемей", из которого выделил 7 букв. В дальнейшем, получив один демотический папирус, он нашел в нем имя Клеопатры. Шампольон транскрибирует это имя известными ему иероглифами. В начале 1822 г. Шампольон получил копию иероглифической надписи на обелиске из храма Исиды на острове Филе. На цоколе обелиска была греческая надпись с именем Клеопатры. И на обелиске он нашел заключенное в царское кольцо имя этой царицы. Прежняя транскрипция почти полностью совпала с настоящей передачей иероглифами. После прочтения имен Александра, Береники, Домициана, Тиберия и др. Шампольон увеличил алфавит из иероглифов до 19 знаков.

Однако вполне возможно было, что этими знаками-буквами передавали лишь имена греко-македонских и римских правителей Египта, а настоящие египетские имена и слова писались незвуковым способом. 14 сентября 1822 г. Шампольон получил копию одной иероглифической надписи из скального храма в Абу-Симбеле (Нубия) с двумя именами в царских овалах (картушах). И то и другое оканчивалось уже ранее известными знаками. Изображение солнца в первом картуше могло звучать, как в коптском языке, *re*, а изображение [21] ибиса во втором картуше — *thoth*. Таким образом, оставался неясным знак во второй части первого имени и в середине второго. Шампольон предположил, что он передает звук *m*. Следовательно, получилось, что во второй части первого картуша было имя *r^c-m-s-s*, а во втором картуше — *thoth-m-s-s*, т.е. известные из труда египетского историка Манефона имена Рамсеса и Тутмоса, фараонов XIX и XVIII династий. Это открытие окончательно подтвердило мнение Шампольона о том, что египтяне пользовались азбучными знаками задолго до появления греков и римлян в Египте.

27 сентября 1822 г. (этот день считается "днем рождения египтологии") Шампольон огласил результаты своего открытия в известном "Письме к г-ну Дасье, непременному

секретарю королевской академии надписей и изящной словесности, относительно алфавита фонетических иероглифов, применявшихся египтянами для написания на их памятниках титулов, имен и прозваний греческих и римских государей"⁵⁴.

В нем он рассказал о методе своего исследования и сделал вывод, что система иероглифической письменности является полуалфавитной, так как египтяне подобно другим некоторым народам не выписывали гласных.

[22] В конце своего "Письма" Шампольон высказал даже предположение о происхождении финикийского алфавита из египетского и что поэтому "Европа, получившая от Древнего Египта начатки науки и искусства, обязана ему еще одним неоценимым благодеянием — алфавитным письмом".

При дальнейшей разработке системы иероглифического письма Шампольон установил наличие среди иероглифов большого количества "фигуративных знаков", или "детерминативов" (определителей), которые поясняли смысл слова, написанного звуковым способом.

О своих исследованиях Шампольон сделал ряд докладов в 1823 г. и на следующий год выпустил свой основной труд — "Очерк иероглифической системы древних египтян"⁵⁵.

В 1828 г. Шампольон во главе научной экспедиции выехал в Египет. Результаты огромной работы экспедиции были опубликованы уже после смерти Шампольона.⁵⁶ После же его смерти его брат Шампольон Фижак опубликовал "Египетский иероглифический словарь" и "Египетскую грамматику".

[23] § 9. Изучение египетского языка после Шампольона

Великое открытие Шампольона резко повысило интерес к изучению древнего Египте во многих странах. В России, например, в 1827 г. Шампольон был избран членом Петербургской Академии наук. Русские путешественники, писатели, общественные деятели, художники живо интересовались Египтом.⁵⁷ Как было выяснено недавно, автором первой русской работы о дешифровке иероглифов Шампольоном, изданной в 1824 г., был декабрист Г. С. Батенков⁵⁸. Академик живописи Д. Е. Ефимов в 1836 г. выпустил свой труд, посвященный египетской архитектуре⁵⁹. В 1824–1825 гг. по Египту путешествовал А. С. Норов, результатом чего явился его двухтомный труд "Путешествие по Египту и Нубии"⁶⁰. Почти во всех странах Европы собираются значительные коллекции египетских древностей, в том числе папирусов. Египетской коллекции Государственного Эрмитажа было положено начало в 1826 г. покупкой около тысячи предметов.⁶¹

⁵⁴ Lettre à M. Dacier, secrétaire perpétuel de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres, relative à l'Alphabet des hiéroglyphes phonétiques employés par les Égyptiens pour inscrire sur leurs monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains. Par M. Champollion le jeune. Paris, 1822. (Полный перевод см. И. Г. Лившиц. Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950).

⁵⁵ Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens. Paris, 1824. (Подробное изложение "Очерков иероглифической системы" см. И. Г. Лившиц. Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950. С. 173 сл.).

⁵⁶ Champollion le Jeune. Monuments de l'Égypte et de la Nubie. Vol. 1-4. Paris, 1835-1847; Champollion le Jeune. Monuments de l'Égypte et de la Nubie. Notices descriptives. Vol. 1-2. Paris, 1844-1879.

⁵⁷ Об интересе к культуре Египта в "дошампольоновскую" эпоху см.: И. Г. Лившиц. Ж. Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Л., 1950. С. 224-229 сл.; Н. С. Петровский, А. Белов. Страна Большого Хапи. Л., 1955. Гл. 1. О переписке Шампольона с выдающимися русскими деятелями см.: А. В. Мачинский. Переписка Ж. Ф. Шамполлиона с А. Н. Олениным. // Проблемы истории докапиталистической формации, 4, 1934; И. С. Кацнельсон. Неизданное письмо Ф. Шамполлиона. // ВДИ, 2, 1947.

⁵⁸ И. С. Кацнельсон. Материалы для истории египтологии в России. // Очерки по истории востоковедения. М., 1956. С. 208 сл.

⁵⁹ Н. С. Петровский. Акад. Д. Е. Ефимов — первый русский историк египетского искусства. // Вестник ЛГУ, 8, 1957. С. 51-62.

⁶⁰ А. Норов. Путешествие по Египту и Нубии в 1834-1845 гг. СПб, 1840.

⁶¹ W. Golénisheff. Ermitage Imperial. Inventaire de la collection égyptienne. 1891. P. V.

[24] После небольшого перерыва, последовавшего за смертью Шампольона, ученые разных стран продолжили дело изучения древнеегипетской письменности, лексики, грамматики, публикации памятников, внося подчас существенные поправки в его открытия.⁶² В 1837 г. немецкий ученый Рихард Лепсиус (1810–1881) доказал, что среди звуковых иероглифов имеются знаки, которые передают сочетание двух и трех согласных.⁶³ Алфавит был сведен к 25 знакам. Изучая грамматический строй египетского и коптского языков, он в 1863 г. включил их в так называемые "хамитские" языки. Результатом возглавляемой им экспедиции в Египет и Нубию явился огромный труд "Памятники Египта и Эфиопии", причем памятники расположены в хронологическом порядке.⁶⁴

Ученик Лепсиуса Генрих Бругш (1827–1894) считается "отцом демотологии", так как он посвятил основную часть своих занятий демотике. В 1855 г. он издал "Демотическую грамматику", а затем — "Иероглифо-демотический словарь" (см. § 37), имеющий большое значение до сих пор. В 70-х годах прошлого столетия в Англии [25] издал свой "Иероглифический словарь" С. Бэрч. Примерно в это же время большой вклад в дело публикации папирусов и изучение иератического письма вложили Шаба (Франция), Гудвин (Англия), Э. де Руже (Франция). Успехи египтологии, резко повысив интерес ко всем областям культуры древнего Египта, послужили мощным толчком к исследованию Египта в археологическом отношении. В середине XIX в. начал свои раскопки известный французский археолог-египтолог О. Мариетт. В конце прошлого столетия крупные раскопки производили английский археолог Ф. Петри и французский археолог Г. Масперо.

Накопление большого и разнообразного эпиграфического материала в свою очередь способствовало дальнейшему изучению египетского языка. В 1880 г. известный немецкий египтолог, профессор Берлинского университета А. Эрман (1854–1937) издал "Новоегипетскую грамматику". С именем А. Эрмана и его ученика К. Зете связан большой сдвиг в области филологии и изучения египетского языка всех этапов. Классическими считаются работы А. Эрмана о среднеегипетском языке⁶⁵ и К. Зете о египетском глаголе⁶⁶. С 1897 г. египтологи всех стран по предложению А. Эрмана стали собирать материал для большого словаря египетского языка. Под руководством А. Эрмана и Г. Грапова это пятитомное издание выходило с 1926 по 1931 гг.

[26] В 1950 г. вышла VI часть словаря: "Немецко-египетский указатель слов", а к настоящему времени также окончен свод ссылок к I–V томам (см. § 37).

Большое значение в деле изучения иератических и демотических текстов, с точки зрения палеографической и филологической, сыграли работы англичанина Ф. Л. Гриффитса (1862–1934), а также немецкого ученого Г. Мёллера, который издал в 1909–1912 гг. незаменимые пособия для изучающих иератику (см. § 20).

В XX в. многие достижения в области изучения египетского языка связаны с именем А. Гардинера (Англия) и его школы. В 1927 г. в "Египетской грамматике" он подытожил многолетнее исследование среднеегипетского языка (см. § 3).

В 1924 г. вышла в свет интересная работа Б. Ганна о египетском синтаксисе. Как уже было отмечено выше, в 1955 г. проф. Э. Эдель издал превосходную сводную грамматику староегипетского языка.

В настоящее время египетским языком занимаются ученые многих стран: Ф. Лекса (Чехословакия), В. Эриксен (Дания), Г. Лефевр (Франция), Г. Грапов, В. Вестендорф (ГДР), Сандер-Хансен (Дания) и многие другие.

⁶² О развитии египтологии до Первой мировой войны и 20-х годов см.: Е. Г. Кагаров. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев посад, 1914; В. П. Бузескул. Открытия XIX и начала XX века в области истории Древнего мира. Т. 1. Восток. Пг., 1923; Т. Н. Козьмина-Бороздина. Развитие египтологии в России. // Новый Восток, 3, 1923.

⁶³ R. Lepsius. Lettre à M. le professeur H. Rosellini sur l'alphabet hiéroglyphique. Rome, 1837.

⁶⁴ R. Lepsius. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Abt. I-VI. Berlin, 1849-1858.

⁶⁵ A. Erman. Sprache des Papyrus Westcar. Göttingen, 1889; A. Erman. Aegyptische Grammatik. 4 Aufl. Berlin, 1928.

⁶⁶ K. Sethe. Das aegyptische Verbum im altaegyptischen, neuaegyptischen und koptischen. Bd. I-III. Leipzig, 1899-1902.

Отрадным явлением можно считать появление в самом Египте своей школы египтологов (ученые Бадави, Хаммад и другие). Любопытно, что в создании этой школы большую роль сыграл В. С. Голенищев, основавший кафедру египтологии в Каирском университете.

[27] Что касается истории изучения египетского языка в России, то первыми египтологами в полном смысле слова являлись В. С. Голенищев, О. Э. Лемм и Б. А. Тураев. В. С. Голенищев (1856–1947) — египтолог с мировым именем — прославился не только своими путешествиями по Египту, блестящим знанием огромного количества египетских памятников и целых коллекций, но и великолепными работами в области языка и палеографии. Особенно ценны его исследования синтаксиса египетского языка.⁶⁷ В конце прошлого века В. С. Голенищев приступил к составлению графически расположенного списка демотических знаков. Карточки этого списка хранятся сейчас в Восточном отделе Государственного Эрмитажа.

О. Э. Лемм (1856–1918) известен своими трудами по коптскому языку и первой учебной хрестоматией иероглифических текстов.⁶⁸

"Отцом русской египтологии" по праву считают академика Б. А. Тураева (1868–1920). Ему принадлежит большое число работ по описанию коллекций египетских памятников разных собраний и городов России⁶⁹, многочисленные публикации иероглифических, иератических⁷⁰, коптских текстов, упомянутая выше классическая работа по египетской литературе, переводы на русский язык египетских произведений. Из школы Б. А. Тураева вышли современные советские египтологи [28] акад. В. В. Струве, проф. Н. Д. Флиттнер, проф. М. Э. Матье и другие. Академику В. В. Струве принадлежит ряд ценных и интересных работ по вопросам египетской филологии, — например, о развитии глагольной формы *šdm.f*, а также публикации иероглифических надписей и иератических и демотических папирусов музеев СССР. Особенно известна его публикация и исследование Московского математического папируса⁷¹, большой труд о Манефоне⁷², наблюдения над папирусом Харрис⁷³, работы, посвященные изучению литературных источников и социальном перевороте в конце Среднего царства⁷⁴, публикации и изучение демотических папирусов Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁷⁵, наконец, публикации острака и стел Государственного Эрмитажа.

Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР Ю. Я. Перепелкин в течение более чем двух десятилетий изучает староегипетский язык и язык времени Амарны, а также вопросы палеографии, связанные с этими периодами. К сожалению, его открытия до сих пор не опубликованы и являются достоянием сравнительно узкого круга египтологов, неоднократно [29] слушавших его доклады.

В 1952 г. проф. М. Э. Матье выпустила статью, посвященную некоторым вопросам древнеегипетского глагола⁷⁶. Известны ее работы о египетских мифах⁷⁷. В 1948 г. ею была

⁶⁷ W. Golénisheff. Quelques remarques sur la Syntax égyptienne. // Recueil Champollion. Paris, 1922.

⁶⁸ O. Lemm. Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen und zum Privatstudium. 1833; O. Lemm. Excerpta libris sacris veterum aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literari Universitatis Petropolitanae. 1890.

⁶⁹ Б. А. Тураев. Описание египетских памятников в Русских музеях и собраниях. // ЗВОРАО, XI, 1897-1898; XII, 1900; XV, 1902-1903.

⁷⁰ Например, В. Turayeff. The Volume of the truncated Pyramid in Egyptian Mathematics. // Ancient Egypt, IV, 1917; Б. А. Тураев. Papyrus Prachov. Л., 1927.

⁷¹ W. W. Struve. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau. Berlin, 1930.

⁷² В. В. Струве. Манефон и его время. Гл. I. // ЗКВ, III, 1928. С. 109-185; Гл. II. // ЗКВ, IV, 1930. С. 158-248.

⁷³ В. В. Струве. Наблюдения над большим папирусом Harris. // ЗКВ, I, 1925. С. 435 сл.

⁷⁴ В. В. Струве. Папирус 1116В и пророческая литература Египта. // ЗКВ, II, 1925. С. 209 сл.; В. В. Струве. Речение Ипувера. Лейденский папирус №344. Л., 1935.

⁷⁵ В. В. Струве. Три демотических папируса ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1954; В. В. Струве. Значение некоторых их демотических папирусов ГМИИ им. А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта. М., 1955.

⁷⁶ М. Э. Матье. Основные черты древнеегипетского глагола (к постановке проблемы). // Ученые записки ЛГУ 128, 1952.

⁷⁷ М. Э. Матье. Древнеегипетские мифы. М.-Л., 1956.

составлена хрестоматия египетских иероглифических текстов для начального обучения древнеегипетскому языку⁷⁸, а И. М. Лурье — хрестоматия иератических текстов⁷⁹. Ему же принадлежит перевод египетских юридических текстов на русский язык, публикации некоторых острака Государственного Эрмитажа и другие работы. Интересный труд, несколько раз упомянутый уже в предыдущем параграфе, издал в 1950 г. И. Г. Лившиц (о Ж. Ф. Шампольоне).

Следует отметить, что с середины двадцатых годов некоторые наши египтологи испытали на себе действие так называемого "нового учения о языке". Вместо кропотливого собирания материала и тщательного изучения грамматики и лексики древнеегипетского языка стали выходить в свет легкомысленные статьи, посвященные "палеонтологическому анализу" некоторых египетских терминов и "палеонтологии семантики". Особого вреда эти статьи не принесли, так как забывались на следующий день после их выпуска, но все же отвлекали авторов и читателей от серьезного изучения грамматики и лексики египетского языка.

⁷⁸ Хрестоматия древнеегипетских иероглифических текстов. Сост. М. Э. Матье. Л., 1948.

⁷⁹ Хрестоматия древнеегипетских иератических текстов. Вып. I. Сост. И. М. Лурье. Л., 1948.